

Анатолий Терещенко

Хожделение по катынским мифам

Из архивов
КГБ

Секретные миссии

Секретные миссии (Аква-Терм)

Анатолий Терещенко

Хождение по катынским мифам

Издательский Центр «Аква-Терм»

2014

Терещенко А. С.

Хождение по катынским мифам / А. С. Терещенко —
Издательский Центр «Аква-Терм», 2014 — (Секретные миссии
(Аква-Терм))

Эта книга-версия – плод изучения и сопоставления материалов, полученных в ходе ознакомления с воспоминаниями очевидцев катынской трагедии, публицистическими статьями и книгами разных лет, сведениями комиссий, исследовавших обе версии, и рассекреченными архивными данными. Возникшие сомнения в хрущевско-горбачевскоельцинских трактовках событий на Смоленщине с расстрелом польских офицеров не гитлеровцами, а сотрудниками органов НКВД заставили автора показать пытливому читателю и другую правду. Она признана конгрессом США, Всемирным Красным Крестом и мировой общественностью. Эта правда существовала до прихода к власти Хрущева – огульного очернителя эпохи Сталина и некоторых событий Великой Отечественной войны. То, что изуверский Молох ежовщины перемолол десятки тысяч соотечественников, – это правда, как и правда то, что группу граждан Польши – палачей, имевших отношение к истязаниям военнопленных красноармейцев и командиров Красной Армии в польских лагерях в двадцатых годах, а также шпионов, диверсантов и террористов, в 1939 году казнили по приговорам судов. А утверждение о миролюбии и пацифизме на Смоленщине немецких оккупантов, в том числе в захваченных ими лагерях с польскими военнопленными и советской охраной, а также признание геббельсовской версии – очередной миф, нужный только польским националистам, но не самой Польше. Книга рассчитана на читателя, которому не безразлично прошлое его Родины.

© Терещенко А. С., 2014
© Издательский Центр «Аква-
Терм», 2014

Содержание

Предисловие	6
Польша – Россия. история взаимоотношений	11
Неудачный поход на Варшаву	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Терещенко

Хождение по катынским мифам

Предисловие

И нежно чуждые народы возлюбил, И мудро свой возненавидел.
А.С. Пушкин

Писать о прошлом проще, чем о настоящем и будущем, потому что воспроизводить приходится то, что уже было, ничего не убавляя и не прибавляя, но это при условии, если писать честно, ссылаясь на реалии былого. История, как и религия, несовместима с ложью. Предвзятость ведет к искажению истории и ошибочным выводам. И всё же, к великому сожалению, не всегда можно легко разобраться с историческими залежами, нагромождениями прошлого, которые преднамеренно замешаны на лжи, людьми, далекими от совести. Слишком много за последнее время нагромождено злобных пасквилей на Советский Союз и его историю.

Давно подмечено, что наибольшее ожесточение возникает между народами – двоюродными братьями: израильтяне и арабы, сербы и хорваты... Вот и Россия с Польшей много веков вели, по выражению Пушкина, «спор славян между собой». Поляки лихо погуляли у нас в Смутное время... Но Россия участвовала в Разделе Речи Посполитой... Поляки дрались в наполеоновском войске... А русские вешали польских повстанцев... И так далее и тому подобное.

Мы ещё долго будем распутывать узелки, затянутые даже недавно ушедшей эпохой. К таким событиям можно отнести и информацию о событиях на Смоленщине в районе Катыни – Катынских гор.

Миф о катынской драме не только создавался гитлеровскими мракобесами, но и, к превеликому сожалению, старательно лепился по воле советско-российского чиновничества, находящегося в разное время на вершинах абсолютной власти. Делалось это с целью отравления сознания, особенно сознания молодых людей, не живших в то время. Но, как говорится, если факт не сдаётся, его уничтожают. Не антикоммунизм, а антисоветчина, установленная горбачевско-ельцинской властью, к сожалению, стала в недавнее время официальной идеологией.

И вот этот микроб лжи уже «овладел массовым сознанием». Но мне, попытавшемуся глубже вникнуть в катынскую эквилибристику, захотелось спасти хотя бы одного честного соотечественника от оболванивания злым гением массы, от одурачивания толпы неофитами русофобии.

Всегда и во всем впереди шествует Ложь, увлекая глупцов пошлой своей крикливостью, говорил известный испанский писатель и философ-моралист Бальтасар Грасиан. Последнюю и поздно приходит Правда, плетясь вслед за хромым временем.

Как писал человек, близко стоявший в Генпрокуратуре к этим материалам, В. Илюхин:

«Советский период был сложным. В нём уместилось всё: Гражданская война с многочисленными жертвами, трагический период репрессий, героика созиданий, Великая Отечественная, май 1945-го, прорыв на передовые позиции мировой цивилизации...

Однако россиянам говорят только о лагерях, тюрьмах и штрафбатах... Забыта борьба советской власти с безграмотностью населения, забыты и великие достижения советской науки, не замечается или принижается богатое наследие творческой интеллигенции...

Власть пугает народ прошлым...

Катынская трагедия – яркое тому подтверждение. Поляки никогда бы не навязывали так дерзко свою версию о расстреле польских офицеров Советами, если бы не находили себе помощников и адвокатов внутри нашей...слишком ослабленной...страны».

Однако бывшие президенты СССР и РФ соответственно М. Горбачев и Б. Ельцин прочно заняли место рядом с фальсификаторами истории и всячески потакали им.

Обстоятельства величайшей человеческой трагедии в Катыни, укоренившиеся в сознании большинства наших соотечественников в периоды Хрущевского «насморка», Горбачевской «перестройки» и Ельцинского «реформаторства» не без помощи средств массовой информации, сводятся к следующему.

Главную роль в «Катынском деле» сыграли кремлевские документы из так называемого и загадочным образом появившегося «закрытого пакета № 1», якобы свидетельствующие о том, что в 1940 году органами НКВД в Катынском лесу под Смоленском было расстреляно более 4 тысяч пленных польских офицеров, оказавшихся на территории СССР после разгрома Польши фашистской Германией. До этого, примерно до начала 60-х годов, существовала противоположная версия, поддерживаемая как советской стороной, так и союзниками.

Более весомого аргумента, казалось бы, трудно представить.

Однако, как писали В. Швед и С. Стрыгин в работе «Тайны Катыни» на сайте в Интернете, вопиющая небрежность в оформлении этих документов, недопустимая для Политбюро, ошибки и противоречия в их содержании, загадочные перерывы в хранении заставляют ставить вопрос о степени надежности и достоверности информации, содержащейся в них.

Катынские документы из «закрытого пакета № 1» часто называют «историческими». Первой про «историчность» заговорила польская сторона, стремясь тем самым дополнительно усилить их политическую и юридическую значимость, а также лишний раз подчеркнуть тот факт, что опубликование этих документов как бы подвело черту под научными дискуссиями историков по Катыни.

Придание этим материалам статуса «исторических» позволило во многом обесценить и дезавуировать весь остальной массив информации по «Катынскому делу». На содержащиеся в этом массиве многочисленные факты, доказывающие причастность нацистской Германии к катынскому преступлению, просто перестали обращать внимание.

К моменту вероломного нападения гитлеровцев на Советский Союз в его тюрьмах, лагерях и местах ссылки находилось по уточненным данным 389 382 поляка.

15 июля 1941 года немцы ворвались в Смоленск. Вскоре они захватили всю Смоленскую область, на территории которой размещалось несколько лагерей с польскими военнопленными.

Уступающей под броневым напором вермахта Красной Армии не было ни сил, ни времени для помощи представителям советской власти и правоохранительной системы на Смоленщине нормально провести эвакуацию не только заключенных лагерей, но и мирного населения. Даже некоторые сотрудники НКВД, рабочие и служащие оказались застигнутыми на месте службы оккупантами.

Спешка отступления была такова, что пришлось оставить даже святую святых партийных чиновников – архив обкома партии, который сразу же был захвачен гитлеровцами и вывезен в Берлин.

26 месяцев и 10 дней длился оккупационный кошмар, сопровождавшийся неслыханными злодеяниями и насилиями гитлеровских вояк.

Большинство поляков, оставшихся в лагерях, снова, вторично, попали в плен теперь уже к немцам, с которыми недавно воевали нацисты на территории Польши...

Прошло полтора года, и только 13 апреля 1943 года фашисты с большой помпой оповестили мировую общественность о якобы обнаруженных ими в Катынском лесу захоронениях в количестве более 10 тысяч польских офицеров, якобы расстрелянных чекистами по указке кремлевских властей. Нашли их аккуратно складированными штабелями со связанными сзади руками (???). Такая пунктуальность скорее характерна для немцев.

Советское правительство сразу же после освобождения Смоленщины от гитлеровских оккупантов, а это случилось 25 сентября 1943 года, создало Чрезвычайную Государственную Комиссию (ЧГК) для проверки фактов умерщвления поляков.

В район Катыни по указанию Сталина была направлена большая группа авторитетных людей того времени и узких специалистов – патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов, которые проделали громаднейший объем работы. Денно и ночью, не покладая рук, в течение четырёх месяцев члены комиссии исследовали страшные детали «Катынского дела».

26 января 1944 года во всех центральных газетах было опубликовано сообщение о результатах работы комиссии. В этом обобщенном документе она камня на камне не оставила от гитлеровской трактовки событий в Катыни.

Специалисты раскрыли перед мировой общественностью подлинную картину злодеяний немецко-фашистских захватчиков в отношении не только военнопленных польских офицеров, но и обслуживающего их личного состава из числа советских граждан и мирного населения.

Однако в самый разгар «холодной войны» Конгресс США вновь предпринимает попытку реанимировать «Катынский вопрос». Больше того, создаёт даже «Комиссию по расследованию «Катынского дела» во главе с конгрессменом Мэдденом.

3 марта 1952 года в газете «Правда» была опубликована нота Госдепу США от 29 февраля 1952 года, в которой говорилось:

«...возбуждение вопроса о катынском преступлении через восемь лет после заключения официальной комиссии может преследовать лишь цель оклеветать Советский Союз и реабилитировать, таким образом, общепризнанных гитлеровских преступников».

Характерно, что специальная «Катынская» комиссия Конгресса США создается одновременно с утверждением ассигнования в сумме 100 млн долларов на диверсионно-шпионскую деятельность против Польской Народной Республики. Кстати, к ноте советского правительства был приложен обширный материал, собранный ЧГК, возглавляемой академиком Н.Н. Бурденко. Таким образом, советская сторона передала американцам все материалы расследования.

На этом, казалось, американцы на долгие годы успокоились...

И вот по прошествии нескольких лет после вышеупомянутого разбирательства почему-то зашевелились, как блохи на подушке, ненавистники России не только в дальнем и ближнем зарубежье, но и в самой Отчизне. Русофобские взгляды на катынскую трагедию проросли на нездоровой политической почве – в охаивание всего того, что связано с Советской властью. Теперь мощной державы, каким был СССР, не существовало. Ослабленный осколок его – Россия снова стала мишенью для обстрела катынскими мифологемами. Причем из того же оружия по ней предательски били и свои ренегаты.

И. Шафаревич в своей книге «Русофобия» приводит слова великого патриота России Ф. Тютчева, писавшего:

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего всё более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что именно бесспорным наличием всего этого им и нравится Европа...

А теперь что мы видим? По мере того как Россия, добываясь всё большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается».

В этот же ряд наблюдений укладывается и мысль Ф. Достоевского, сказавшего:

«Они ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю. Одним словом, за все, за все ненавидят».

Против Советской России поднимается Запад. Бывшие союзники во главе с Гарри Трумэном сразу же после войны в 1947 году объявляют ей «холодную войну».

Не правда ли, сказано Достоевским актуально, потому что такие ненавистники были и есть и наверняка будут в будущем. Их видно, как говорится, за версту. А вот результаты деятельности политиканов в тогах чиновников разных рангов и даже «маяков нации» или «лидеров нации», которые по недомыслию, из-за жажды мести предшественникам или в попытке использовать власть для сиюминутной выгоды фактически чернили Отчизну, проявляются со временем.

К таким Иванам, не помнящим родства, а, по сути, разрушителям Отчизны история уже отнесла Н. Хрущева, М. Горбачева и Б. Ельцина. Нищетой, потерей авторитета, унижением и озерами слез и крови они залили Отчизну.

Так получилось, что те отдельные цари и вожди, кому русский человек поклонялся, оказывались или слабыми политиками или вовсе ненавистниками России, а в стане противников обнаруживались порой люди, высоко чтящие русскую культуру и русский народ как правдоискателя.

В связи с этим я хочу привести слова немецкого военнослужащего Вильфрида Карловича Штрик-Штрекфельдта – офицера штаба фельдмаршала фон Бока, командующего группой армий «Центр». Этот порядочный офицер когда-то служил в царской армии:

«Напряженное состояние в душе русского вызывается его инстинктивным стремлением к абсолютной истине. Его не может удовлетворить тут, на земле, мысль Фауста: «След наших земных дней не может погибнуть в вечности».

Ещё он говорил, что россиянин – в первую очередь искатель правды и справедливости, а только потом религиозности и веры. Именно эти качества и заставляют многих трезвомыслящих искателей истины быть объятами одной заботой – работою, работою, работою над поиском правды о Катыне, не веря навязанному сверху штампу.

Но вернемся к вышеупомянутой «тройке», на совести которой больше грехов разрушений и крови людской, чем у других венценосцев России. Это они, каждый, внесли свою лепту в дело разрушения Великой Страны.

Это их стараниями «пал Вавилон (Советский Союз. – *Авт.*). Он сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, как говорил Иоанн Богослов, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птицы».

Надо признать, что помогал раздувать костер катынской трагедии до вселенских масштабов каждый из этой тройцы. Эти холодные приспособленцы, оплёвывали в угоду Западу свой отчий дом, свою страну, которая для таких типов не что иное, как дойная корова или машина, которой в своё удовольствие можно порулить.

Соображения человечности всегда изгоняются из среды, где идет борьба за власть, людьми нечистоплотными. Им там нет места. Известно, что человечность и власть – несовместимые понятия, тем более в стране, где власть стала бизнесом.

Помахивая конфетками в виде кредитов и «экономической помощи» перед физиономиями этих «вождей», а по существу перевёртышей, Запад планомерно разваливал страну и осваивал её геополитическое пространство.

Не эта ли причина того, что против России, как писал Л. Ивашов, до сих пор ведётся самая настоящая война, выдержать которую невероятно тяжело. Всё это правда, учитывая разобщенность и политическую пассивность населения, беззубость власти в защите национальных интересов, разлагающую деятельность правых и центристских партий, антироссийскую и безнравственную суть многих печатных и электронных средств массовой информации.

Сегодня Россию пытаются разрушить и разрушают по тем же «рецептам», по которым уничтожили Советский Союз и Югославию. Но народ не любит, как сказал когда-то Аристотель, когда им управляют плохо.

Воистину, наше Отечество сегодня в опасности! И всё же я верю поэту:

Не верьте в безумство стихии:
Нам разума, русским, достанет.
Хоронить не спешите Россию!
Она ещё духом воспрянет.

Да, сегодня у нас, к великому сожалению, господствует геббельсовская версия о безусловной вине советского руководства и его органов государственной безопасности за гибель польских военнопленных. Однако немало фактов, а не фактиков убедительно свидетельствует о причастности к катынской трагедии немецко-фашистских оккупантов, гитлеровцев, как и немало острых вопросов к полякам за уничтожение в плену более 60 тысяч наших красноармейцев и командиров. Почему о них мы молчим?

Обо всём этом читатель встретится в этой книге.

Автор

Польша – Россия. история взаимоотношений

История взаимоотношений между Польшей и Россией лежит не столько в русле двух ветвей христианской, религиозной идеологии: католичества и православия, сколько в запутанном клубке политических противоречий, являвшихся не единожды причинами конфликтов между двумя славянскими народами на протяжении всех последующих веков.

Что же касается Восточной Европы, то она разделена невидимой границей, проходящей через Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину вплоть до Черного моря. Именно эта воздушная граница стала своеобразным кордоном между двумя цивилизациями – «Западом» и «Россией».

Истоки возникновения Литовского княжества, Кревской унии между Литвой и Польшей 1386 года, государства Речи Посполитой, национально-освободительной борьбы русских украинцев (малороссов) под предводительством Б. Хмельницкого, российского сопротивления и изгнания чужеземцев-оккупантов из Москвы в 1612 году, русско-польской войны 1654–1667 годов, Герцогства Варшавского, Царства Польского в составе Российской империи, а затем опять появления Польши как единого суверенного государства – за пределами этого повествования. Эти периоды истории емко и глубоко описали историки и писатели – профессионалы-специалисты.

Многолетняя русско-польская война в поддержку Хмельницкого, начавшаяся в 1654 году, закончилась подписанием 30 января 1667 года Адрусовского перемирия. Речь Посполитая возвратила России Смоленские и Черниговские земли, признала воссоединение с Россией Левобережной Украины.

Пришедшие к власти после смерти Богдана Хмельницкого гетманы больше смотрели в сторону Варшавы. А за спиной Москвы вели с поляками переговоры о возвращении Украины в состав Речи Посполитой под названием «Великое княжество Русское». Сменялись гетманы – одни из них принимали сторону Варшавы, другие с надеждой смотрели в сторону Москвы. Гетманы Левобережной Украины (промосковской) вели политику укрепления своей власти и государственности, стремясь добиться большей самостоятельности. Москва однозначно реагировала на это ссылками непослушных в Сибирь.

Гетман Правобережной Украины (пропольской) Дорошенко все же добился признания ее суверенности и был хитрой Варшавой провозглашен гетманом всей Украины. Однако крестьянство и казачество не поддержало Дорошенко, и он был вынужден подчиниться гетману Левобережной Украины, то есть «поклониться» Москве.

Россия продолжала укреплять свое влияние в Украине, пробивая путь к Черному морю. Турция противилась этому. Османская империя не хотела терять свои позиции в Украине.

Следует заметить, что на протяжении многих столетий между Польшей и Россией существовал, мягко говоря, высокий дух состязательности и соперничества. Об этом правдиво говорили не только политики, историки, но и держатели творческого пера. Достаточно вспомнить казака Тараса Бульбу, сражавшегося с «ненавистными ляхами», из одноименной исторической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

Но более кратко и в то же время гениально по правдивости сказал об этой вражде великий Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» в 1831 году:

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях или верный россиянин?

Рижским мирным договором 1921 года – договором между РСФСР (также от имени СССР и БССР), с одной стороны, и Польшей – с другой, подписанным 18 марта 1921 года в Риге, была завершена советско-польская война 1919–1921 годов. Договор установил границу между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой.

К Польше отходили обширные территории, находящиеся к востоку от Линии Керзона (условное название линии, которая была рекомендована 8 декабря 1919 года Верховным Советом Антанты в качестве восточной границы Польши и установлена в ноте лорда Керзона).

На этих территориях преобладало в подавляющем большинстве непольское население – украинцы и белорусы Западной Украины и Западной Белоруссии. Эти земли до революционных событий 1917 года входили в состав Российской империи.

Но когда сегодня кое-кто в Польше старается представить виновницей всех конфликтов исключительно Россию, упорно именуя её в новом повторе – «империей зла», «страной оси зла» и поработительницей народов, истиной тут и не пахнет.

Думается, происходит это и по вине России, а точнее, её отдельных «неисторических» личностей. Долгое время моя страна – Советский Союз – мирился с выливаемыми на неё ушами грязи, не давая должного отпора клеветникам. То же самое делает и современная Россия.

Люди злословят обычно не столько из желания навредить, сколько из тщеславия – гордыня и творческое чванство заставляют опровергать очевидное.

В данном случае я имею в виду катынскую проблему, созданную на голом месте недоброжелателями Отчизны. Из их уст шла и идет до сих пор, прямо-таки фонтанирует клевета, а клевета, как известно, есть некое обвинение, возводимое заочно, втайне от обвиняемого, и принимается на веру, со слов одной стороны, без возражения другой.

Сознание нашего народа покалечено идеологической обработкой, цель которой была одна – заставить стыдиться своей истории, выкорчевать героическое прошлое, забыть о его существовании, лишить потомков генеалогических корней и негативно повлиять на генетическую память россиян.

Получается так, что России запрещают возразить геббельсовской версии умерщвления польских военнопленных офицеров. Не хотят слушать доводов тех, кто выставлял свои доводы, но кого к превеликому сожалению сегодня с нами нет, а потому и возразить они не могут.

В Польше же антироссийское оружие исторической фальсификации без устали ковалось и затачивалось даже во времена Польской Народной Республики, столица которой, думаю, не случайно явилась родоначальницей военного блока – стран участниц Варшавского договора.

После войны Польша стала просоветской, а следовательно, ворошить и без того запутанное прошлое власти не хотели. А потому наложили своеобразное табу на прочтение непростых страниц истории взаимоотношений двух соперничающих в веках государств. Да, это были трудные времена, когда политикам нужно было выбирать между тем, что правильно, и тем, что легко.

Со стороны советского послесталинского руководства, думается, шло элементарное заигрывание с гонимыми ляхами с одной единственной целью – дабы они остались в рамках социалистического лагеря. А когда возникла идея создания военного блока, то его тоже с определенным умыслом нарекли – Варшавский!

Надо признаться, что польские констатации были вовсе не заблуждениями. Когда человек заблуждается, писал И. Гете, это может всякий заметить; когда он врет, заметит не всякий.

Шла спланированная и выверенная идеологическая диверсия мести с трескучей патриотической риторикой со стороны националистов внутри слабой страны по адресу сильного государства – Советского Союза, к тому времени ставшего сверхдержавой, но на последних его этапах существования с бесхребетными, трусливыми и подлыми вождями.

Действительно, когда во главе её появлялись «безпозвоночные», страну пытались чаще и больше оклеветать, оплевать, унижить и сломать.

Безудержная националистическая пропаганда велась тогда нелегально или через «вражеские голоса». Но не только! Кое-что можно было увидеть, услышать и прочитать и в официальных источниках.

Да, формально считалось, что у Польской Народной Республики с Советским Союзом «дружба навеки», что многие, но не все, поляки участвовали, как жертвы немецкого фашизма, в борьбе с коричневой чумой на стороне страны-победительницы.

Но поскольку эта «дружба» строилась на основе коммунистической идеологии, её апологеты имели основания утверждать, что вплоть до 1917 года исключительно с востока на Польшу надвигался жуткий мрак царского угнетения, время от времени прерываемый всполохами народных бунтов против жестокого «царского самодержавия» и бездушных «русских медведей», совсем не бурых, а красных.

Желчное круговое критиканство восточного соседа по многим направлениям способствовало укреплению в польском массовом сознании многих антироссийских мифов, которые постепенно приживались и укоренялись в обществе.

Сегодняшние варшавские историки пытаются доказать, что истоки Польского государства и церкви уходят исключительно в западные традиции. Они стараются забыть, что в Средние века именно на Польшу выпадала задача объединения славянского мира и создания противовеса, с одной стороны, Романо-германской Европе, а с другой – Османской империи. И она могла быть легко решаемая, если...

Но у истории нет сослагательного наклонения!

Увы, вся либерально-демократическая литература, серьёзно влияющая на мировоззрение поколений «свободной Польши» на протяжении двух последних веков, была пронизана идеей западничества, мотором которого была, естественно, разновидность католицизма, так называемый папизм. И в конце XX века они, наконец, добились своего – в Ватикане оказался Папой их земляк ксендз Кароль Войтыла под именем Иоанна Павла Второго.

Собственно, из-за таких антиправославных взглядов в XIX веке, в период подъёма славянофильства, в России было принято говорить о Польше как о «предательнице славянства». Ей не могли простить отречения от православия и принятия католического папизма, на долгие годы ставшего недоброжелателем соборной и православной России.

Но давайте вернёмся к генератору конфликтности, которая в разные времена имела одно и то же направление – противостояние православию и российским жизненным традициям, т. е. нашей ментальности, выражаясь современным научным языком.

В спорах за звание великой державы между Польшей и Россией успехи в разные годы были переменчивы, хотя, следуя тропинкой к Истине, надо признать, что побед в этих спорах было больше на стороне России.

Но мне хотелось более подробно остановиться на послереволюционном периоде, открывшем полякам невиданные перспективы в становлении новой польской государственности.

Результаты Первой мировой войны, а особенно Февральской и Октябрьской революций, существенным образом повлияли на возрождение Польши как самостоятельного единого – унитарного государства.

Ленин в это время не раз замечал, что надо считаться с политическим реализмом – образованием рядом с Советской Россией буржуазных национальных республик, что, несомненно, по его мнению, являло собой поворотный пункт во всей внешней политики молодого государства. Он имел в виду, конечно же, и Польшу, которая в результате развала Царской России обрела независимость.

Казалось бы, они (поляки) должны были благодарить большевиков за этот дружественный акт, но получилось всё наоборот. Произошло опять-таки по-польски – неблагородно по отношению к новой, теперь уже Советской России.

Сам по себе спор за влияние в регионе был вполне закономерен, что делало советскую внешнюю политику столь же прозрачной, как и политику другого государства. Однако не всё было так гладко, как хотелось руководителям молодой Советской Республики.

Проходила одна за другой полоса сложных советско-польских взаимоотношений. Временной отрезок, очерченный периодом с 1918 по 1939 год с эпизодами необъявленных войн то со стороны Варшавы, то со стороны Москвы, слабо освещался на протяжении существования послевоенной советской историографии.

По всей вероятности, такое явление не случайно, и появилось оно в силу «дружественных отношений» с ПНР, начиная с 1945 и по 1991 год, когда кардинальные политические изменения коснулись как самой Польши, так и Советского Союза, который перестал существовать как опора всего социалистического содружества. Не будем разбирать, по чьей вине это случилось.

Но вернёмся к истокам этих распрей.

Едва родившись, явно с гонором, польское государство обнаружило потребность в расширении своих границ и предъявило территориальные претензии к Советской России. Надо сказать, что вообще, по мнению многих знатоков и специалистов в этом тонком вопросе, преувеличенные самооценки характеризуют польский национальный характер.

В статье «Призраки польского гонора», опубликованной в «Литературной газете» № 53 – 2005 года, её автор Ю. Васильков писал, что, пытаясь понять причины катастрофического упадка Польши в семнадцатом веке, польские ученые выдвинули теории, объяснявшие национальную трагедию, а именно... – историческим опережением! Мол, как античный Рим пал под ударами варваров, так и Польша стала жертвой отсталости своих соседей.

Как «скромно», Древний Рим и Польша – не правда ли?

А дальше всё больше и больше фанаберии и всё выше и выше к мифическим небесам ... Историк Кохановский отмечал в 1917 году:

«Польское государство не могло в своё время существовать просто потому, что его дух должен был исторически противостоять благородством своим соседям».

Ему вторит современник Холоневский:

«Польша погибла, потому что при временном упадке своей духовной силы была политическим созданием несравненно более высокоразвитым по сравнению с тем, что его окружало».

В Польше всегда были наиболее популярны национальные герои двух видов: средневековые короли с их агрессивной экспансионистской политикой и вожди всевозможных народных восстаний.

Содержанием как тех, так и других являлась непримиримая борьба с соседями, прежде всего восточными, – украинцами, белорусами и россиянами (тогда малороссами, белорусами и великороссами).

Вплоть до XVII века Польша всеми способами пыталась захватить ведущие позиции на своих восточных рубежах, помешать государственному становлению России, но далее Литвы и Западной Малороссии – Галиции, хотя бы временный успех распространить не сумела в силу политического неумения и военного бессилия. Попытка зацепиться за Москву в 1602 году тоже бесславно провалилась. Лжедмитрии потерпели позорное фиаско. Польское войско бежало из Московии под натиском народных восстаний.

В XVIII веке монархам – правителям Австрии и Пруссии надоела бестолковая и бесконечная суeta вокруг Речи Посполитой, и они склонили Екатерину II «ради общеевропейского спокойствия» произвести раздел Польши между своими уже сформировавшимися к тому времени государствами.

Но не Россия вообще и не её императрица были виновницами в разделах Польши, приведших к утрате ею на длительное время государственности. Учёные популярной в Польше «Краковской исторической школы» признавали:

«Не границы и не соседи, а только внутренний разлад довёл поляков до потери государственного существования».

Это голос людей, знающих дело, – профессионалов-историков.

Да и сам народ польский дал точную характеристику своих бед в известной поговорке:

«Польска нежондом стои» (Польша на неуправляемости держится). Эту управленческую бестолковость она подтвердила в ходе войны с Германией в 1939 году, когда степень неуправляемости в правительстве и в армии достигли уровня хаоса, о чем будет ещё сказано ниже.

Сегодня этот опыт хочет повторить Украина, с вожделением бросаясь в объятия Запада. Как бы из фарса не проявилась трагедия подобного развала страны с амбициозными политиками, не видевшими ничего дальше собственного носа. Кому нужны бедняки с этническими и территориальными гирями, с отсутствием энергоресурсов и новых технологий?! Западу нужны рабы, а самое главное – украинский чернозем. А его много – 20 % от мировых запасов!

Но, когда вместо политиков правят политиканы, то страна сталкивается с бедами. Так было, есть и будет всегда! Есть смысл держать на столах таким политикам трактат Николо Макиавелли «Государь». Он дает там точные рецепты!

Моим землякам надо стать сначала на ноги – поднять лежащую на боку промышленность, запустить остановленный сельскохозяйственный механизм, дать труженикам рабочие места, повысить уровень благосостояния простого народа, наладить добрососедские отношения с братскими государствами Белоруссией и Россией, а потом можно делать, но только с умом, то, что задумано. Те же проблемы стоят и перед Россией.

Евросоюз не убежит никуда, он пригласит к себе, в свою семью, но только тогда, когда будут гарантированы людям в той же Украине свобода, благополучие и спокойствие.

И ещё одна немаловажная деталь – в истории взаимоотношений четко прослеживается забота русских царей найти способы строительства национального государства на общих путях с Россией.

После раздела Польши и вхождения её в качестве Царства Польского в состав Российской империи Екатерина II делала многое, если не всё, для того, чтобы, выражаясь современным языком, новый «субъект федерации» с достоинством «встроить» в корону Империи.

Именно поэтому в дальнейшем российские императоры и цари осыпали всевозможными побрякками «горделивых ляхов», естественно, переживающих за свой куций и урезанный суверенитет.

В то же время они на общих основаниях с остальными россиянами обучались в вузах Петербурга. Некоторых одаренных поляков брали на государственную службу. Так, в период сложных взаимоотношений с Францией Александр I назначил своего близкого друга, поляка по национальности, Адама Чарторыйского на очень высокий пост в государстве, сделав его министром иностранных дел России!

Польская промышленность и ремесла развивались стабильно. Товары из Царства Польского распространялись по всей России, и надо честно признаться, что на потребительском рынке они составляли достойную конкуренцию российским и другим товарам, привезенным из «заморских стран», пользовались повседневно повышенным спросом.

Однако наряду с «Краковской реалистической школой» в истории Польши существовала и существует до сих пор романтическая школа, склонная некритично возвышать отечественное прошлое.

Это было то прошлое, которое «философы» вышеупомянутой школы отрывали от действительности пережитого. Они всячески превозносили его реальных и мнимых героев. Последние нередко превалировали над настоящими людьми, совершившими подвиги, необычайные по отваге, доблести, самоотверженному трудолюбию.

Вот уж верно, когда нечем гордиться в настоящем, хвастаются вчерашними заслугами. А были ли и они в государственном зодчестве?

Если бы были у политиков того времени, то ничего бы подобного не случилось – выпасть на целых два столетия в осадок или за две недели сдать страну фашистам.

Для этого «чуда» надо сильно постараться!

Но вернёмся в 20-е годы теперь уже прошлого столетия. Свободная Польша серьёзно заявляет не столько о необходимости восстановления национально-этнических границ, сколько предпринимает конкретные шаги к захвату куда больших пространств, которые находились под её контролем в моменты наибольшего могущества страны.

Варшавское правительство пыталось проглотить, а если мягче сказать – втянуть в свои границы Украину, Белоруссию и Литву, используя для этого демагогическую ширму, мол, добиваемся исключительно ради «борьбы с ненавистным большевизмом», «с красным медведем». Этот пропагандистский трюк использовался поляками как козырная карта.

С этой целью было заключено соглашение с украинским националистическим движением Петлюры, которого ожидала на этом поприще «пиррова победа», так как крупные польские помещики на Украине были предметами такой яркой ненависти, что местный национализм носил в большей степени антипольский, нежели антирусский характер.

Последующие события, замешанные на большой крови, были тому подтверждением. Я имею в виду период с 1939 по 1945 год. Но об этом чуть ниже.

Для новых хозяев в Варшаве это было лишь дополнительной козырной картой в дипломатической игре. Они отвергли предложение о мире, выдвинутое советским правительством, и в апреле развернули крупномасштабное наступление, в результате которого захватили Киев.

Кровоточащую Советскую Россию, отбивающуюся со всех четырех сторон от белогвардейщины и иностранной интервенции, недавно вышедшую с большими потерями из горнила Первой мировой войны, решили опять добить поляки. Но, как говорится, видит волк козу, но забыл про грозу.

Гроза придёт потом, а пока наступление польских жолнеров вновь разожгло уже угасавшее пламя гражданской войны. Надо отметить, что «белые» в это время были ещё активны в разных районах Советской России. Самую внушительную силу представляли собой остатки армии Деникина, укрепившиеся в Крыму под командованием прибалтийского барона генерала Врангеля.

Именно в этот период части генерала Врангеля перешли в наступление на южной Украине, в надежде соединиться с остатками белогвардейских войск, рассеянных по Дону и Кубани.

Над Советской Россией вновь нависла смертельная опасность. Но, несмотря на безграничную усталость населения, голодное и холодное время, обстановка была уже не та, что годом раньше. Теперь у Советской России имелась достаточно организованная армия. К тому же польская агрессия вызвала у россиян новый прилив патриотических чувств. Замаячил снова внешний враг. Немцев сменил польский агрессор, с которым требовалось столкнуться, чтобы победить в честном бою на поле брани.

Даже те некоторые царские офицеры и генералы, которые на первых порах индифферентно относились к гражданской сшибке после революции и ещё не перевели дух от Первой мировой войны, вдруг неожиданно для советских властей и вождей предложили свои услуги в качестве военных специалистов – «военспецов». Своё слово заявил здравый ум и здоровый духовно, явно не квасной, патриотизм.

Наступление польских войск, подготовленное Регентским Советом Польши, было отражено, и они вынуждены были в большинстве случаев не отступать, а повально бежать. Английская дипломатия, дабы спасти Польшу от разгрома, взяла на себя инициативу навязать так называемую «этническую» границу между двумя воюющими странами.

Лондон предложил знаменитую «линию Керзона», по имени тогдашнего британского министра иностранных дел.

Это была для потопавшей Польши соломинка, которая спасла ляхов от трагедии.

Но, к сожалению, Ленина и Троцкого больше волновала проблема продвижения на запад мировой революции. Революционная борьба их больше интересовала, чем урегулирование границ для больной, ослабленной, голодной и нищей страны.

И на первый взгляд для этого были некоторые основания в форме активизации социальных движений. Уже к концу 1918 года в некоторых странах Европы стали стихийно возникать коллективные органы управления – Советы, отряды Красной гвардии – красногвардейцы, рабочие союзы, крестьянские выступления и прочее.

7 ноября 1918 года в Люблине возникло «народное правительство», заявившее о роспуске Регентского Совета. Оно провозгласило гражданские свободы, потребовало введения 8-часового рабочего дня, национализации лесов, создания самоуправлений и гражданской милиции.

Однако под влиянием Германии 14 ноября 1918 года, действительно в угоду большинства польского народа, Регентский Совет упразднился, и 22 ноября в Варшаве была провозглашена Польская Республика.

Высшей властью теперь объявлялся «временный начальник государства». Им стал Юзеф Пилсудский (1867–1935), проводивший так называемую «санацию», а проще говоря, совершивший государственный переворот, что дало ему возможность осуществить в 1920 году «смелый поход на Киев».

Следует пояснить, что в годы Первой мировой войны Писудский командовал военными формированиями Германии, к тому же являясь агентом разведок нескольких держав Антанты. Его диктатура удачно прикрывалась ретроспективной, почетной должностью. Дело в том, что в конце XVIII века начальником государства был провозглашен и искренне принят народом, авторитетнейший человек для поляков – мужественный Тадеуш Костюшко. Это был действительно не мнимый, а реальный герой – смелый, решительный и честный человек.

Пилсудский слыл сторонником скорейшего восстановления границы образца 1772 года. У него роились прямо-таки амбициозные, наполеоновские планы создания Польской сверхдержавы на фоне двух обескровленных в ходе войны ненавистных соседей – Германии и России.

Новый «начальник государства» даже замахнулся на возможность создания на территории европейской части Советской России национальных государств, которые бы находились если не под протекторатом, то пусть под сильным влиянием Варшавы. Его ум всё кружил и кружил «журавлем в небе» над этим проклятым вопросом, не дававшим ему спокойно засыпать.

Как только осенью 1918 года германские войска стали выводиться с оккупированных территорий, Красная Армия двинулась на запад вслед за уходящим потрёпанным в боях германским воинством.

В знаменитом обращении Троцкого к войскам был отдан приказ о взятии с ходу Варшавы – по ту сторону польской столицы большевикам уже виделось соединение с немецкими революционерами Красной Баварии, мерещились контуры общеевропейской Красной революции, которая со временем перевернет весь мир. В своих многочисленных выступлениях он буквально упивался надеждой на скорую политическую перелицовку старой Европы.

Однако именно в этот момент части нашей армии, нацеленные на польскую столицу, неожиданно были отброшены и вынуждены отступать столь же стремительно, как и недавно наступали.

Многие сидельцы в Кремле чесали затылки и называли это поражение от поляков то «катастрофой», то «непонятным фиаско», то «предательством, замешанным на вредительстве»...

Начались взаимные упреки и обвинения как среди крупных военных начальников, так и политических деятелей.

Комиссия Высшей военной инспекции, обследовавшая с 12 марта по 5 апреля 1919 года состояние советских войск в районе Вильно, отметила в своём заключении, что главным отрицательным явлением данного фронта, безусловно, считает малочисленность красноармейцев, которая не соответствует его боевым заданиям и протяженности занимаемых позиций.

Следует заметить, что это поражение явилось причиной первого публичного столкновения между Троцким и Сталиным. Именно будущего вождя некоторые военные посчитали виновником многих просчетов Красной Армии в походе на Варшаву. И всё же объективности ради самой главной причиной этой неудачи была не столько военная, сколько политико-стратегическая ошибка.

Ни польские рабочие, ни польские крестьяне не поднялись на восстание. Более того, член коллегии ВЧК Г. Мороз 22 апреля 1919 года сообщал в ЦК РКП (б) о том, что весь западный край пропитан антисемитизмом, явившимся питательной средой для консолидации польской общественности в борьбе с «оевреенными большевиками России». Под слово – синоним: «жид – большевик» попадали практически все красноармейцы.

Таким образом, польское руководство, объединив усилия всякого рода общественных организаций, как правило, некоммунистической и националистической направленности,

навербовало волонтеров в армию и сумело провести мобилизацию. Франция в это время помогла Польше оружием и провиантом.

Надвигалась дождливая, затяжная осень, и Ленин, опасаясь ещё одной военной зимы, принял единственно правильное решение в сложившейся ситуации – сосредоточить усилия Красной Армии в борьбе против Врангеля. Нужно отметить, что и поляки в это же время были тоже на пределе своих экономических и военных возможностей...

Но мне хотелось остановиться на вопиющих фактах бесчеловечности со стороны личного состава польской армии. Вот что писал по этому поводу в своей книге «Советско-польские войны» специалист по истории советско-польских отношений М. Мельтюхов:

«Так, будущий министр иностранных дел Польши в 1930-е годы Ю. Бек рассказывал своему отцу, вице-министру внутренних дел в правительстве Падеревского, как в конце 1918 года после разведывательного задания в Румынии, Москве и Киеве он с товарищами пробирался через «большевизированную Украину»:

– В деревнях мы убивали всех поголовно и всё сжигали при малейшем подозрении в неискренности. Я собственноручно работал прикладом».

По свидетельству же другого «героя» польской истории – представителя Гражданского управления Восточных земель М. Коссаковского, – убить или замучить большевика, православного или украинца не считалось тяжким грехом.

В частности, он рассказывал о таких фактах, которые несовместимы с поведением здравомыслящих людей:

«...в присутствии генерала Листовского (командующего оперативной группой на Полесье) застрелили мальчика лишь за то, что якобы недобро улыбался...

Один офицер десятками стрелял в людей только за то, что были бедно одеты и выглядели, как большевики... было убито около 20 изгнанников, прибывших из-за линии фронта...

Этих людей грабили, секли плетью из колючей проволоки, прижигали раскаленным железом для получения нужных показаний...

Кому-то в распоротый живот зашили живого кота и побились об заклад, кто первый подойдет, человек или кот».

Участник тех событий, житель одного из хуторов Сарненского района на Ровенщине дед Федор Олейник, рассказывал, что он был свидетелем, как польские солдаты поймали на лугу девушку лет восемнадцати, пасшую корову, и принялись по очереди её насиловать.

Затем в детородный орган несчастной украинки садисты втолкнули пойманную мышшь-полевку и стали хохотать, наблюдая за мучениями своей жертвы.

Примеров подобных жестокостей поляков того времени по отношению к солдатам Красной Армии и местному населению было очень много, что, естественно, вызывало, подобно сжатой пружине, ответную реакцию, – она с силой «разжималась», в виде адекватно-дикой неприязни к противнику.

И это вполне понятно, ведь многие сделались жестокосердными потому, что раньше были сострадательны и часто видели себя обманутыми и обиженными. А ведь недаром говорят, что тень обмана – обида, она неотрывно следует за обманщиком.

В 2005 году весь мир отмечал 60-летие Победы над фашизмом, решающую роль в которой сыграл Советский Союз. На полях брани за освобождение Польши погибло более шестисот тысяч наших солдат и офицеров. Об этом знает всё благодарное человечество. Одним из дока-

зательств той непреложной истины было присутствие на параде в Москве 9 мая всех мировых лидеров ведущих государств.

И не только союзников, помогавших Советскому Союзу побыстрее справиться с коричневой чумой, но и представителей побежденной страны – Германии, давно уже отмежевавшихся от ошибок и преступлений своих предшественников.

Парад прошел успешно!

Иностранные гости искренне склонили головы символу мужества советских людей у Вечного огня – Неизвестному Солдату.

Но в четырёх странах – недавних советских союзных республиках, ныне независимых государствах: Литве, Латвии, Эстонии и когда-то в братской Польше, – всечеловеческий праздник был омрачен: чествованием недобитых эсэсовцев и шумной антисоветской компанией, связанной с фальсификацией событий в Катыни осенью 1941 года, о которых и пойдет речь несколько ниже.

Гроза польских шпионов А.Х. Артузов

Бывший резидент польской разведки, ставший сотрудником ОГПУ Игнатий Сосновский

Начальник Польши Юзеф Пилсудский

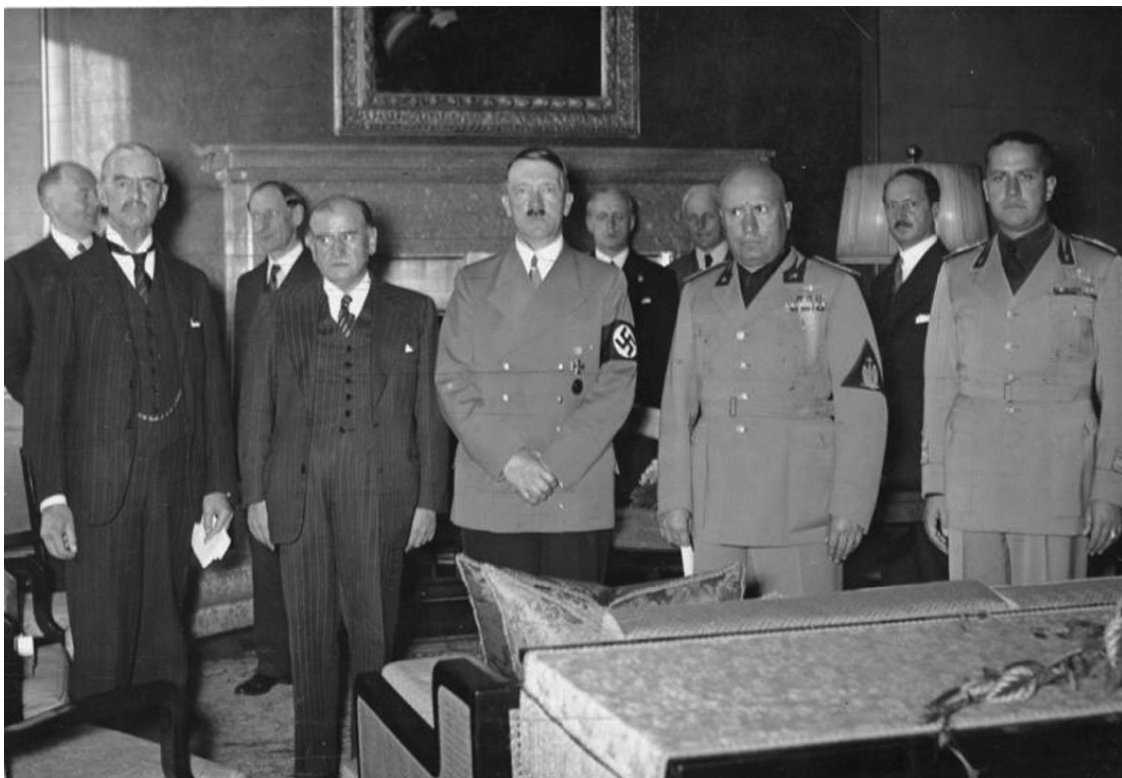
Польско-украинские войска вступают в Киев. 1920 г.

Польский плакат с изображением красноармейца. 1920 г.

Бои за Смоленск. 1941 г.

Мюнхенский сговор-слева на право: Чемберлен, Деладье, Гитлер, Муссолини и Чиано

Красноармейцы в польском плену 1920 г.

Гитлер и министр иностранных дел Польши Юзеф Бек

Переход польской границы немецкими солдатами 1.9.1939 г.

«Визит» Геринга в Польшу

Польская пехота в обороне

Свезённые трупы польских граждан и «найденные» немцами в Катыни

В.Сикорский – глава Польши в эмиграции. Лондон 1942 г.

Штабеля жертв в Катыни, складированные с немецкой пунктуальностью

Немцы рассматривают трупы поляков в Катыни. 1943 г.

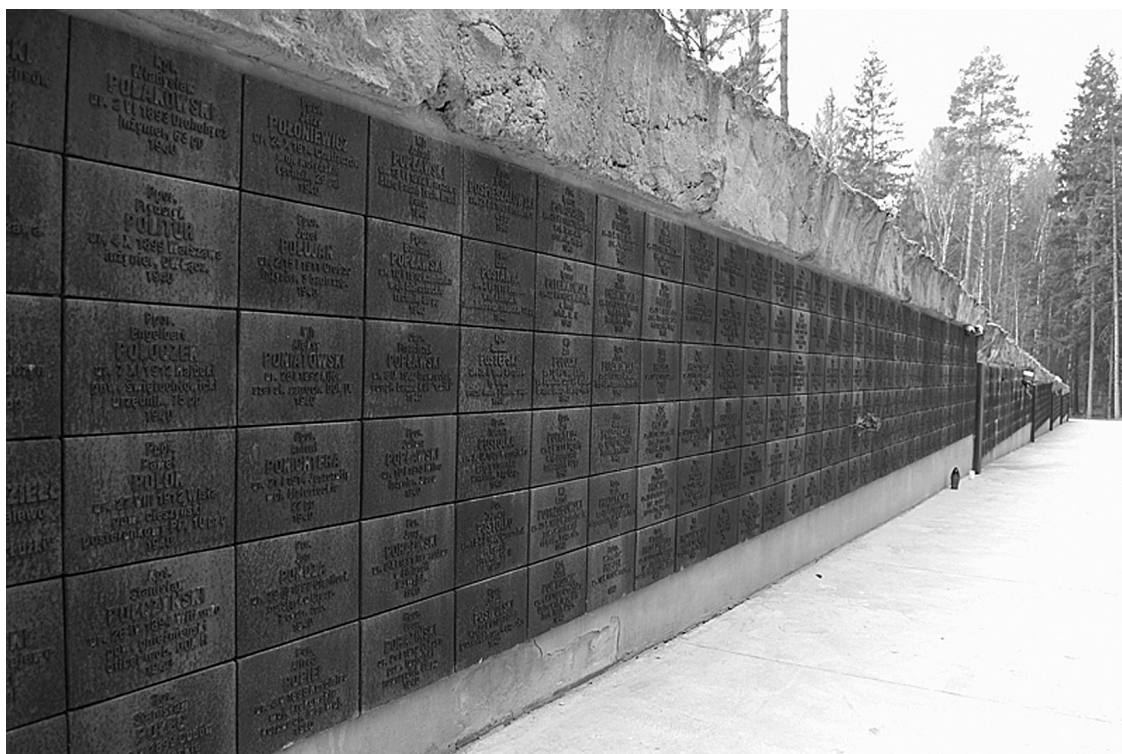
То, что осталось от бункера Гитлера под Смоленском. 2010 г.

Доктор Бутц изучает «найденные» захоронения поляков в Катыни. 1943 г.

«Находка» немцами захоронений польский офицеров в Катыни. 1943 г.

Помпезный мемориал погибшим польским офицерам

Скромный мемориал советским военнопленным, погибшим в Катыни от рук фашистов

Неудачный поход на Варшаву

Как известно, боевые действия на советско-польских фронтах в течение 1918–1920 годов велись с переменными успехами для воюющих сторон, пытавшихся утвердить себя сильными европейскими державами.

Но остановимся на особенностях наступательного порыва Красной Армии. Силы советской стороны составляли Юго-Западный фронт с 12-й и 14-й армиями; Западный фронт с 15-й и 16-й армиями; 1-й Конной армией и 53-й пограничной дивизией.

На Юго-Западном фронте 1-я Конная армия, развивая наступление на Львов, 26 июля 1920 года овладела Бродами, а через двое суток, форсировав реку Стырь, заняла небольшой галицийский городок Буск, в котором автор этих строк не раз бывал по служебным вопросам во время его службы во Львове.

Дивизии 12-й армии, преодолев сопротивление противника на реках Стырь и Стоход, стремительно форсировали их и вплотную приблизились к Ковелю – небольшому в то время городку на Волыни.

14-я армия прорвала польскую оборону на реке Збруч и 26 июля овладела городом Тернополем. Однако из-за медлительности наступающих частей 12-й и 14-й армий фланги 1-й Конной армии оказались оголены, чем моментально воспользовались поляки.

2-я и 6-я польские армии 29 июля нанесли контрудар по Бродам. Командарм Буденный в силу вышеупомянутых причин был вынужден быстро отойти на восток, сдав полякам город и ряд других населённых пунктов...

Анализ хода событий на советско-польском фронте показал, что бои и сражения стали приобретать более ожесточенный характер. Если части Красной Армии вели борьбу, находясь практически в окружении и надо было рационально использовать личный состав чуть ли не по кругу Советской России, не получая ниоткуда помощи, то поляки резко повысили боеспособность. Прежде всего это происходило за счет свежего пополнения, которое шло потоком, чуть ли не ежедневно на волне поднятого национализмом духа патриотизма – «побить москалей!»

Усталость наших войск была также порождена стремительностью и непрерывностью в наступлении. Тыловые части и подразделения не поспевали за передовыми войсками. Затруднялся, таким образом, процесс боевого, продовольственного и фуражного обеспечения войск.

Возросли потери – в дивизиях оставалось не более 500 человек, не хватало патронов и винтовок. То и дело возникали проблемы с питанием частей. Участились побег и дезертирство личного состава.

Что же касается польской армии, если за первое полугодие 1920 года она получила 20 9471 человека пополнения, то только с 1 июля по 20 августа в ряды польских подразделений и частей влилось 17 2400 человек. Нужно отметить и такую деталь, что в этот период солидную помощь Польше оказали страны Антанты.

Пока польские войска сдерживали советское наступление на рубеже Западного Буга, польское командование с участием руководителя французской миссии генерала М. Вейгана разработало новый план военных действий.

Основная идея этого плана, утвержденного 6 августа 1920 года Пилсудским, заключалась в следующем:

1. Сковать советские войска на юге, прикрывая Львов и Дрогобычский нефтяной бассейн.

2. На севере не допустить обхода вдоль германской границы, а также ослабить удар частей Красной Армии путём отражения их атак на предмостных укреплениях на восточном берегу Вислы.

3. В центре боевых действий войскам ставилась наступательная задача:

– быстрое сосредоточение на Нижнем Вепше маневренной армии, которая затем ударила бы во фланг и тыл войскам Западного фронта, атакующим Варшаву, и разбила бы их;

– поднятие морального духа солдат и офицеров под кличем – «Ни шагу назад, только вперед».

Нужно признать, что план был блестящим с точки зрения военного искусства в конкретно складывающейся ситуации.

Как известно, командующий Западным фронтом М. Тухачевский наступление наших войск на Варшаву провалил. А в переговорах с Главнокомандующим войсками Советской России С.С. Каменевым повел себя нагло и нескромно. Выставил себя всезнающим полководцем и стал доказывать Главкому правоту своих действий, оказавшихся в дальнейшем непросчитанными, а потому и крайне опасными для воюющих частей Красной Армии.

На самом деле командующий допустил крупную ошибку при решении на стремительное наступление – неправильно определил направление главного удара, полагая, что основные силы противника находятся не южнее, а севернее Буга.

Конечно, ради объективности надо признать, что его подвела и разведка, однако те материалы, которыми он располагал, позволяли сделать правильный вывод, что могло обеспечить получение совершенно иных, более выгодных для наших войск, результатов в ходе противоборства двух армий.

В разговоре по телефону с Троцким Главком Каменев не мог, а скорее побоялся жаловаться на крайне ершистого и нахрапистого молодого командующего – протеже Председателя Реввоенсовета. Замечали многие – Троцкий его пестовал.

Не надо забывать и того, что Тухачевский к тому времени состоял членом РКП (б), а Каменев оставался беспартийным военным специалистом, помогавшим безграмотным в оперативном отношении командирам.

Сегодня нам более чем известно, как на бывших царских офицеров и генералов смотрели большевистские вожди и их политические ставленники в армии.

Итак, в момент битвы Красной Армии за Варшаву её 12-я и 1-я Конная армии оказались в стороне от главного участка сражения и не могли помочь войскам Западного фронта...

13 августа 1920 года началось сражение на Висле. В войсках Красной Армии не хватало боеприпасов, ощущались перебои с питанием людей и фуражом для лошадей. Красноармейцы и командиры были измотаны непрерывными наступательными боями. Из воспоминаний очевидцев тех событий явствует, что приходилось собирать патроны на поле брани, обшаривая карманы погибших товарищей. В повозках и тачанках выходили из строя деревянные колёса – спицы гнивали, что сразу же создавало проблему доставки боеприпасов на красноармейские позиции.

Варшава же ошетичилась доукомплектованной и довооруженной 5-й польской армией – патриотический порыв сделал своё дело. Это уже была не столько любовь к отечеству, построенная на действии зова сердца и ясного рассудка, сколько слепая страсть ненависти ко всему, что идет с Востока, – к Советской России.

А тем временем дезинформированный Кремль, не понимая реальной ситуации, требовал одного – наступления, наступления и ещё раз наступления! Немедленного, без всяких проволочек, взятия Варшавы.

Вот, что говорилось в приказе № 233 от 14 августа 1920 года за подписью Председателя Реввоенсовета неугомонного и говорливого Троцкого:

«Герои! Вы нанесли атаковавшей нас белой Польше сокрушительный удар. Тем не менее преступное и легкомысленное польское правительство не хочет мира...

Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира. Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских бандитов играть с нами в прятки. Красные войска, вперёд! Герои, на Варшаву!»

А что же герои похода на Варшаву? Отбиваясь от наседавшего противника, они с трудом сдерживали наступающие лавы 5-й польской армии. А скоро и сами начали отходить, а потом и вовсе побежали...

Как писали М. Веллер и А. Буровский в книге «Гражданская история безумной войны», исследовавшие главные пружины братоубийственной сшибки в России, поражение Красной Армии в битве за Варшаву называли в польской интерпретации – «чудом на Висле».

И действительно, польская армия, прижатая к варшавской стенке, неожиданно для красных 16 августа нанесла сокрушительный удар и погнала войска Тухачевского и Буденного на восток.

Казалось, всё потеряно, фронт развалился, Пилсудский бросил войска и уехал в Варшаву...

Но Пилсудский вовсе не сбежал с фронта. Пользуясь тем, что разведки у красных почти не было, он незаметно накопил мощный кулак: 50 тысяч человек с 30 танками, 250 артиллерийскими стволами, десятью бронепоездами...

70 самолетов, поднимаясь с аэродромов под Люблином и Варшавой, непрерывно бомбили и поливали пулеметным огнем красноармейские колонны и конницу. Плотная масса красноармейцев рассеивалась артиллерийским огнем. Люди разбивались на мелкие отряды, прижимались к земле, разбегались по лесам...

Надо заметить, что на стороне Пилсудского воевало до десяти тысяч русских белогвардейцев. Со слов командира 13-й польской дивизии генерала Пахуцкого:

«Без помощи американских летчиков мы бы тут давно провалились ко всем чертям!»

«Американцами» он называл поляков – граждан США, приехавших для защиты Отечества, попавшего в беду.

Красные покатались назад, оказались прижатыми к Восточной Пруссии, и только переход границы спас их от истребления.

«Чудо на Висле» для поляков продолжилось «чудом под Львовом» против войск Первой Конной Буденного. Приказ идти на помощь Тухачевскому Буденный не выполнил – и не потому, что не хотел. Первая Конная бежала и остановилась только через 200 километров от Львова – отдышаться от наседавших ляхов.

Какова же цена этих сражений? Польские войска в боях за Варшаву потеряли 4,5 тыс. убитыми, 10 тыс. пропавшими без вести и 22 тыс. ранеными. В то же время поляки взяли в плен более 60 тыс. красноармейцев. По мнению Сталина, эта цифра была искусственно занижена Троцким, реальная – до 100 тыс. человек. Последнее число наших военнопленных фигурирует и в других документальных источниках. Что может свидетельствовать о правдоподобности сталинской оценки.

С одной стороны, поражение Красной Армии под Варшавой стало холодным душем для советского руководства, а с другой – подтолкнуло окрыленное успехом польское руководство к подготовке нового наступления на Восток до линии русско-германского фронта, установленной в 1915 году.

Поляки уже стали считать несправедливой «линию Керзона». Советское же руководство надеялось на какой-то чудодейственный интернационализм, который подымет, мол, польских рабочих на восстание в Варшаве. Хотелось как лучше, получили как всегда то, что появляется как плод недодуманности и скороспелости. Азарт плохой советчик полководцу.

По этому поводу Ворошилов в письме к Орджоникидзе 4 августа 1920 года заметил, что «...мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к «русским»!

Польский пролетариат не только не восстал против якобы ненавистной ему власти, а напротив, серьёзно пополнил ряды своей воюющей армии.

Но не только просчеты нашего командования повлияли на исход боёв под Варшавой. Надо признаться, что масштабы помощи Польше других стран, особенно со стороны Франции, Англии и США были огромны.

Так, только официально правительство США выдало Польше заём в 50 млн долларов, что по тем временам это была огромнейшая сумма. В то же время Герберт Гувер, будущий президент США (1929–1933 гг.), руководитель, по существу, антисоветской организации «Американской администрации помощи» (АРА), предоставил в распоряжение польской армии на миллионы долларов продовольствия.

4 января 1921 года сенатор Джеймс Рид (от штата Миссури) выступил в конгрессе с обвинением, что 40 млн долларов из фондов помощи конгресса «тратятся на то, чтобы удержать польскую армию на фронте».

Кроме того, Гувер собрал по подписке около 23 млн долларов для помощи детям Центральной Европы и значительную часть этой суммы отправил в Польшу. Хотя в воззваниях, изданных в США, говорилось, что эти деньги будут поровну разделены между неимущими австрийцами, армянами и поляками, пострадавшими во время военного лихолетья.

Большая часть средств, собранных в США якобы для помощи Европе, пошла на поддержку антисоветской интервенции.

Гувер и сам констатировал это в своём докладе конгрессу в январе 1921 года. Первоначально, как уже говорилось, конгресс ассигновал средства для помощи в первую очередь «Центральной Европе». Но из доклада Гувера явствовало, что почти вся сумма в 94 938 417 долларов, за которую он отчитывался, была израсходована на территории, непосредственно примыкающей к России, или в районах России, занятых белогвардейскими армиями и союзными интервентами.

Полякам для активизации в борьбе против Советской России французский военный деятель, маршал Фердинанд Фиш, командовавший с апреля 1918 года и до конца войны вооруженными силами Антанты, поспешил послать в Польшу своего начальника штаба.

Таким образом, генерал Максим Вейгана стал непосредственным руководителем некоторых операциями польских войск против частей Красной Армии.

После такой мощной поддержки польской армии Антантой поражение наших войск было предопределено.

30 сентября 1920 года войска Юго-Западного фронта отошли на линию Старокопачин – Проскуров – Старая Ушица – реки Уборть и Случ.

3 октября командование Западным фронтом отвело войска на линию озеро Нарочь – Сморгонь – Молодечно – Красное – Изяслав – Самохваловичи – Романово – р. Случ.

15 октября поляки заняли столицу Белоруссии Минск, но через трое суток отошли к демаркационной линии.

Советское руководство было явно недовольно действиями армии. Уже 30 августа Сталин предложил создать «...комиссию из трех человек по обследованию условий июльского наступления и августовского отступления Западного фронта».

Однако Троцкому на заседании Политбюро ЦК РКП (б) удалось отклонить это предложение. Таким образом, он выводил из-под удара одного из непосредственных виновников варшавской катастрофы своего назначенца тщеславного Тухачевского, который противился признать свои просчеты.

На этом заседании советское руководство решило перейти с языка огня на язык переговоров, т. е. к «политике соглашательского мира с Польшей».

И всё же от резкого разговора по поводу поражения под Варшавой не удалось уйти. На 9-й конференции РКП (б), проходившей с 22 по 25 сентября 1920 года выступил Ленин. Свой политический доклад он построил в направлении общего обсуждения международной обстановки с естественным включением туда результатов неудавшегося похода Красной Армии на Варшаву.

Он признал, что «...мы потерпели...гигантское, неслыханное поражение» в результате стратегических просчетов и ошибок. Но Ленин, как и Троцкий, не стал вдаваться в подробности операций, а по существу, поддержал предложение Председателя Реввоенсовета – не создавать комиссии по расследованию провала наступательной операции. По существу он взял под защиту командование Западного фронта.

В частности, он заявил, что, дескать, пусть причины поражения определит история, и согласился идти на перемирие с Польшей в силу того, что ещё полностью не решен армией вопрос с Врангелем.

Для победы же над временным «хозяином» Крыма нужны были войска. Он также и поэтому предложил принять ноту Керзона.

Однако Сталин в конце первого дня работы конференции направил в её президиум записку. В ней он указал, что в своих статьях в «Правде» он был достаточно осторожен в оценках перспектив Варшавского похода. Расчет реввоенсовета Юго-Западного фронта на взятие города Львова не оправдался, потому что 1-я Конная армия была ошибочно переориентирована и отправлена на север, где концентрация польских войск была низка.

Отметая упрёки в своей пристрастности к командованию Западного фронта, Сталин отметил, что дело не в том, что мы не взяли Варшаву 16 августа 1920 года. Дело «в том, что Западный фронт стоял, оказывается, перед катастрофой ввиду усталости солдат, ввиду неподтянутости тылов, а командование этого не знало, не замечало, а если знало, то почему молчало?»

Если бы командование предупредило ЦК о действительном состоянии фронта, ЦК, несомненно, отказался бы временно от наступательной войны, как он делает это теперь...

Произошедшая «небывалая катастрофа, взявшая у нас 100 000 пленных и 200 орудий, это уже большая оплошность командования, которую нельзя оставить без внимания. Вот почему я требовал в ЦК назначения комиссии, которая, выяснив причины катастрофы, застраховала бы нас от нового разгрома. Тов. Ленин, видимо, щадит командование, но я думаю, что нужно шадить дело, а не командование».

Это были объективные, справедливые слова Сталина, понимавшего, что справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам. Этого не хотели делать ни Ленин, ни тем более Троцкий, защищавший своего опростоволосившегося ставленника, цена ошибки которого стоила очень дорого, так как оценивалась самой дорогой валютой – кровью и многими жизнями красноармейцев.

Получив слово утром 23 сентября, Сталин, в общем, довёл до делегатов конференции свои соображения. Он торопился, но и его торопили, потому что прения по данному поводу завершались. В своей резолюции по политическому отчету ЦК РКП (б) конференция высказалась за переговоры с Польшей.

Одновременно по ту сторону фронта в Варшаве на правительственном уровне решался вопрос о составе делегации и выработке стратегии и тактики на предстоящих переговорах с Москвой в Риге. Польская сторона, особенно политики – ястребы, а также военные, предлагали своим дипломатам настаивать на проведении границы по Днепру и, заключив предварительный договор, затем вести торг по поводу спорных территорий, денежных компенсаций и имущества.

Однако здравый смысл возобладал в головах некоторой части высокого гражданского чиновничества, и они переломили упрямство гонористой польской военщины. В результате было принято решение ограничиться такой линией перемирия: по р. Збруч – р. Ствига – восточнее Ровно – Лунина – Барановичей.

12 сентября в Ригу прибыла советская делегация, а через неделю, 19 сентября, – польская.

Переговоры начались 21 сентября. Проходили они на неблагоприятном для россиян военно-политическом фоне: продолжающихся наступательных действий поляков на Волыни и в Белоруссии, а также ожесточенных боев с Врангелем и на других участках многочисленных столкновений с неприятелями, а их в ту пору было очень много.

23 сентября советская делегация вынуждена была пойти на некоторый компромисс и согласилась на границу по линии: р. Шара – Огинский канал – р. Ясельда – р. Стырь и далее по границе Восточной Галиции. Договор вступил в силу после обмена ратификационными грамотами, состоявшегося 2 ноября в Либаве (Лиепая).

Польские войска отошли на демаркационную линию, а советские части вступили в Минск, Слуцк, Проскуров и Каменец-Подольский.

Что же получила Польша в результате этого договора? Она взяла под свой контроль западно-белорусские земли с населением почти в 4 млн человек, из которых 75 % составляли этнические белорусы, и западно-украинские территории, на которых проживало около 10 млн украинцев.

Таким образом, мы отдавали почти 15 млн православных славян в руки враждебно настроенных по отношению к ним чистых католиков и униатов. Советская Россия в результате отказа поляков в поддержке Врангеля и Петлюры в обмен на получение вышеупомянутых территорий на Востоке развязала себе руки. Сразу же были переброшены основные силы Красной Армии, задействованные на советско-польском фронте, на разгром Врангеля и завершения, таким образом, Гражданской войны на Европейской части страны.

И всё же, несмотря на заверения о прекращении боевых действий с Советами, польская сторона постоянно поддерживала выступления отдельных банд. Ими были отряды Булак-Балаховича, Савинкова, Петлюры и так называемой «мятежной» армии Желиговского численностью в 59–60 тыс. человек.

Все они базировались на польской территории, откуда совершали, как когда-то половцы, коварные набеги на неприятеля, с которым предварительно договаривались о мире.

Страдало мирное население уставшей Советской России, особенно украинцы и белорусы.

А тем временем переговоры в Риге продолжались... Готовилось подписание другого документа – финансово-экономического соглашения. Польская делегация за участие Польши в жизни Российской империи потребовала 300 млн рублей золотом. Советская сторона готова была ограничиться суммой только в 30 млн. Поляки также потребовали 2000 паровозов и большое количество вагонов, к тому же это требование выходило за скобки ранее угнанных 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов.

Наглость претензий была очевидной, и она явилась, как говорили тогда наши переговорщики, не результатом трезвого и спокойного образа мышления, а действий свойства характера на генетическом уровне – «порока, но порока врожденного». История польского гонора не единожды подтверждала подобную аксиому.

Эта непонятная заносчивость и это беспочвенное самомнение до сих пор дают о себе знать во взаимоотношениях как с Россией, так и с другими соседними государствами, которые с сожалением относились к этому комплексу. Этот порок ментального чванства проявился недавно и в Евросоюзе.

В конце концов польская сторона согласилась, дабы иметь синицу в руках, а ведь могла занять только журавля в небе. Она получила сумму в 30 млн рублей золотом, но потребовала передать ей 12 тыс. кв. км. территории.

Вместе с тем советской делегации в ходе переговоров удалось достичь компромисса, в результате которого Варшаве Советская Россия передала 3 тыс. кв. км. в Полесье и на берегу Западной Двины, 300 паровозов, 435 пассажирских и 8100 товарных вагонов.

Общие потери Красной Армии в компании 1920 года составили убитыми 232 000 человек, а Войска Польского – 184 246 солдат и офицеров. В период боевых действий поляки взяли в плен 146 000 красноармейцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.